

Эстер

Валерий Юабов

12+

Валерий Юабов

Эстер

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Юабов В.

Эстер / В. Юабов — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Рак груди в запущенной форме. Казалось бы, что надежды никакой. Но, встреча с доктором-травником и пульсодиагностом дала надежду, изменила ход событий... Читайте правдивую историю о встрече двух людей с разных континентов, о дружбе, изменившей судьбы многих. Администрация сайта ЛитРес не несет ответственности за представленную информацию. Могут иметься медицинские противопоказания, необходима консультация специалиста.

© Юабов В., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

От автора	6
Глава 1. Приговор	7
Глава 2. Надежды	9
Глава 3. 34 из 36	11
Глава 4. Далекий близкий Узбекистан	13
Глава 5. Дым отечества	16
Глава 6. Чужой переулок	18
Глава 7. «...Город, знакомый до слёз»	21
Глава 8. «А вот здесь прежде жили...»	24
Глава 9. Доктор из Намангана	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эта книга посвящается самым добрым людям, повстречавшимся на моём жизненном пути: матери Эстер, супруге Светлане, доктору Мухитдину Умарову, другу и наставнице Раисе Мирер.

От автора

Своим непременным долгом и приятной обязанностью считаю выразить огромную благодарность моему дорогому другу и помощнику Раисе Исааковне Мирер, без которой этой книги, может быть, и не было бы.

Она не только побуждала меня работать, но вложила в наш общий труд свою душу и огромный опыт литературного редактора.

Глава 1. Приговор

В апреле 1993-го маме, как и ежегодно, сделали маммографию – обычное профилактическое обследование.

Через неделю позвонил мамин доктор.

– У мамы все в порядке, – сказал он успокоительно, – но нужно пройти вторичную проверку у онколога.

Нас принял один из ведущих онкологов Лонгайлендовского Джуиш Медикал Центра, очень известного в Нью-Йорке госпиталя. Разглядывая рентгеновский снимок, он указал на большое светлое пятно у основания левой груди.

– Надо взять пункцию... Не думаю, что есть основания беспокоиться. У женщин вашего возраста, – объяснял он матери, – часто возникают кальциевые затвердения.

Но вернувшись из кабинета, где маме делали пункцию, онколог не считал нужным скрывать от меня свои опасения:

– Большая вероятность, что это раковая опухоль. И не маленькая: восемь сантиметров в диаметре. Это будет ясно через неделю, когда я получу анализы.

Неделя прошла в тягостном ожидании. И вот мы снова у онколога. Теперь он уже откровенен и с мамой.

– Миссис Юабова, у вас рак груди. Опухоль довольно большая...

Мама сидела, подняв руку, пытаясь нащупать шишку. Доктор помог ей.

– Вот она... Глубоко сидит...

Я все еще не мог поверить в беду.

– Как это так? Два года назад, когда сделали маммографию, все было хорошо... Значит, за это время...

– Нет, к сожалению, опухоль развивается уже давно. Но она очень глубоко расположена, машина не засекала ее...

Нас попросили подождать в прихожей. Я сел напротив мамы, у окна. Там, за окном, простиралась, насколько мог видеть глаз, зеленая, залитая солнцем долина, кое-где застроенная домиками. Там была ключом жизнь: все дышало, росло, радовалось и надеялось. А здесь, в уютно обставленном офисе, не было надежды, здесь сурово прозвучал приговор: рак в запущенной форме...

«Интересно – думал я, – какой это сегодня по счету приговор? Полдень еще не наступил... Наверное, первый или второй».

Я боялся взглянуть на маму и перевел на нее глаза, только услышав всхлипывания.

Она плакала. Так же, как всегда – очень тихо, не жалуясь. Она смотрела вниз, на носовой платок, перебирая его, будто пытаясь найти в нем ответ на вопрос: что же теперь делать.

Я думал, что знал эту женщину, вот такую простую, молчаливую, скрывающую от нас и горести свои, и недуги. Такую же терпеливо-печальную и сегодня, когда на нее обрушилась новая беда. Пытающуюся, быть может, понять, почему жизнь, никогда не баловавшая ее, не хочет и к старости дать ей отдохнуть от невзгод.

– Мама, не плачь... – Вот и все, что я сумел ей сказать. – Не плачь, не бойся...

– Я не боюсь. Мне жалко вас, – ответила она.

Я-то думал, что знал ее... Вся моя жизнь, насколько я ее помнил, какими-то рваными кусками, взброс, вдруг понеслась перед моими глазами. И в каждом из этих кусочков была она, наша мама, наш друг, защитник и опора – такая хрупкая и такая стойкая. Ведь даже сейчас, когда жизнь ее была в опасности, она думала не о себе, а о нас. Мне хотелось сказать ей: «Хватит, мама, давай подумаем о тебе». Но я чувствовал, что она просто не поймет этого.

Я сидел бессильный, подавленный, не понимая, как жить дальше.

Доктор позвал нас, мы выслушали его указания. Маме необходима была операция. Но прежде предстояло пройти курс химиотерапии и облучения, чтобы опухоль уменьшилась в размере. Все это пугало, я спросил, какие у химиотерапии побочные действия. Доктор ответил, я задал еще какие-то вопросы... Доктор все хотел, чтобы и мама участвовала в разговоре, чтобы я подробно переводил ей с английского. Но я просто не мог причинять ей еще боль, не хотел рассказывать, что скоро у нее начнут выпадать волосы или что будет дурнота, тошнота. Я придумывал какие-то успокоительные ответы. Сделают, мол, операцию – и все будет нормально. Болезнь уйдет.

Она тихонько сидела в углу, не проявляя особого интереса к разговору. На мои пояснения отвечала: «Хорошо, бачим. Как надо, так и сделаем». А я все спрашивал и спрашивал, я боялся упустить что-то важное, спасительное. И все яснее и яснее понимал, что никаких спасительных мер нет и быть не может. Что любые только затормаживают болезнь.

Глаза у доктора были добрые. Я видел и чувствовал, что он хочет помочь нам. Искренне хочет. Мне почему-то казалось – даже больше, чем кому-либо из других пациентов... Но дело было в том, что не имел он этой возможности, как не имела ее медицина вообще. И в его долгой практике мама становилась одной из многих сотен женщин, заболевших этой страшной болезнью. Моя мама становилась статистической единицей, только и всего. Я чувствовал себя таким ничтожным, не зная, как предотвратить это.

Дорога домой казалась вечностью. Да я и не совсем ясно соображал, как и куда еду.

Над нами пролетал самолет. Господи, подумал я, летаем мы все выше, ездим все быстрее, а ведь на самом деле мы – как это пелось в той песне? – мы только «пыль на ветру». Пыль на ветру...

Глава 2. Надежды

К тете Вале мы заехали просто потому, что надо было с кем-то близким поделиться горем. – Плохи дела, – объявила мама. И рассказала, что произошло у доктора. Рассказала спокойно, негромко, как всегда.

Воцарилась тишина. Мы сидели на диванах, мягких, удобных. Казалось, к чему сейчас эти разговоры – лишние, ненужные. Хотелось вот так сидеть, расслабившись, заснуть, проснуться с легкой головой, как будто заново родившись – и чтобы ничего этого не было. Не было... А надо вставать, идти куда-то, что-то делать, что-то решать. Что? Как?

– Эся, Валера, послушайте, – воскликнула вдруг Валя. – Вы что – забыли о травнике из Намангана?

Травник из Намангана... Я о нем не то чтобы забыл, но... Уж слишком это была невероятная история. Вернее, целая серия невероятных историй.

Начались они с самой Вали. Она долго болела астмой, безуспешно лечилась. Помог ей этот самый наманганский лекарь. Диагноз поставил удивительным способом – по пульсу. Определил, что у Вали больная печень, астма – лишь следствие. Лечил ее травами...

Потом пациентом травника из Намангана стал Юрка, мой двоюродный братишка. Он был тогда студентом в ташкентском университете и случайно во время лабораторных химических опытов наглотался ядовитых паров. Юрка не знал об этом да и ничего не почувствовал поначалу. А через несколько недель свалился: начались нестерпимые рези в желудке. Доктор определил причину болезни своим обычным способом – по пульсу. Затем последовало долгое лечение травами. Но дело свое доктор сделал. Юрка выздоровел...

Новая беда случилась с Валиной сестрой. Рак лимфоузлов, операция груди, метастазы. И отчаяние, полная безнадежность... Валя снова бросилась к доктору из Намангана. Он сказал, что на этот раз не сможет помочь – болезнь слишком запущена. Валя его буквально умолила, вынудила... И что-то он там делал непонятное. Кроме травяных настоев – теплый телячий навоз к оперированной груди велел прикладывать. Каждый день и именно телячий... Сказал, что если начнется улучшение, где-то в теле соберется и выйдет наружу гной. Через несколько месяцев так и произошло: гной вышел из стопы...

Невероятные истории! Я так к ним и относился, очевидно – с недоверием. Потому и задвинул вглубь сознания. Грозный рак – и какой-то там телячий навоз... Но ведь жизнь этой женщины была спасена. Врачи подтвердили прекращение метастазирования. Это же было, было – думал я. А что предлагает современная традиционная медицина? У нее великолепная техника. Она помогает диагностировать – но далеко не всегда точно. Уже найден, пойман бракованный ген-носитель. Все так, но лечения-то нет! Операционное вмешательство, радиация, химиотерапия – все это в лучшем случае приостанавливает процесс. А зачастую – ускоряет... И смертность от рака занимает второе место, уступая лишь сердечно-сосудистым заболеваниям...

Я понимал, что от этих мыслей уже никуда не денусь, что надо будет решать, делать выбор...

Но разве я уже не сделал его? Разве смогу я отказаться от надежды, которая блеснула так внезапно?

Утопающий хватается за соломинку...

– А зачем непременно нужно ехать в Наманган? – спросил меня мой бухгалтер Лев, узнав о нашей беде. – Пульсовой диагностикой сейчас занимаются многие, в Чайна-тауне есть прекрасные лекари-травники...

Оказалось, что Лев знает одного из этих лекарей. У его сына были неприятности с желудком, врачи помочь не смогли, а помог китаец Кенни, лекарь из Чайна-тауна.

Уговаривать меня не пришлось. Чуть ли не на другой день мы оказались среди пестрых уличных реклам этого шумного китайского островка в огромном Нью-Йорке – и в каком-то тихом переулочке нашли офис травника Кенни – здесь у него была школа «Тай-чи», контактного спорта карате, а также врачебный кабинет.

В этом кабинете мы провели довольно много времени. Кенни – невысокий человек неопределимого, как многие немолодые китайцы, возраста, вел себя, как самый обыкновенный доктор: долго расспрашивал маму, что ее привело к нему, где и какие боли, каково заключение врачей. Затем, положив мамину руку на подушечку, он стал прослушивать ее пульс у кисти – как это делают все терапевты, чтобы познакомиться с работой сердца. Затем, надев стетоскоп, он пригласил маму в соседнюю комнату – смотровую. А потом – потом он вышел ко мне один (мама еще одевалась) – и сказал:

– Вылечить вашу маму я, к сожалению, не смогу. Сожалею, но болезнь ее неизлечима... Сожалею... Облегчить состояние – попробую. Сейчас дам вам состав корений и трав. Пусть принимает...

И он вышел.

«Тот же самый приговор, – думал я. Сейчас появится мама – и что я ей скажу? Что? Будешь пить лекарство, которое тебя не вылечит? Лечения нет...» Пусть сам пьет свои травы!

Пакет мы все же взяли. Травы, когда мы их заварили, пахли отвратительно, будто мы варили червей. Это был какой-то черный отвар с «обломками кораблекрушения». Но что делать – мама начала пить эту гадость и через несколько дней действительно стала чувствовать себя лучше. Доктор этот не был обманщиком. Он сделал, что смог...

Нет – лекаря из Намангана необходимо было найти. Он оставался последней нашей надеждой.

Глава 3. 34 из 36

Телефонная связь в Узбекистане была не из лучших. Уж не помню, сколько дней я безуспешно пытался дозвониться в Наманган. Гудки то пискливо оповещали, что линия занята, то совсем вдруг прекращались... Мученье! Мученье и растущее нетерпение – ведь каждый день дорог! Юра предложил позвонить своему дяде в Ташкент. Дядя Яков был знаком с доктором. Дяде дозвонились, он сказал – доктор вроде бы дома, в Намангане, но может скоро уехать: приближается Хадж... Дело в том, что доктор был благочестивым мусульманином и, когда была возможность, ездил в Мекку на ежегодные поклонения.

Тут телефонная лихорадка достигла высшей точки. И уж не помню, в какой день и час Юрка, державший трубку, хриплым голосом сообщил: «Есть связь...»

Если бы трубку держал я, то, наверное, говорить бы не смог: меня судорогой свело, в горле застрял комок. А Юрка уже кричал:

– Здравствуй! Можно Мухитдина Инамовича? Это из Нью-Йорка, Юра Юабов... Вы слышите меня? – Он замолчал, вслушиваясь, и по его напряженному лицу видно было: слышно очень плохо. Потом он что-то пробормотал и повесил трубку.

– Нет его, уехал. В Мекку, на Хадж. Будет через месяц-другой...

У меня начался приступ бешенства. Я ругался. Я пнул ногой телефонный столик. Я голову готов был разбить о стенку.

– Успокойся, – прикрикнул на меня кузен. – Чего психуешь?

– Успокойся... Двадцать первого мая должна быть операция! Что же мне делать? Что? Самому решать?! – в отчаянии кричал я.

Да, до операции, назначенной онкологом в госпитале, оставалось всего три недели, а самый главный вопрос не был решен: делать ли эту операцию до консультации с доктором из Намангана, а потом уже ехать к нему или отказываться от операции до встречи с доктором – и ждать этой встречи месяц, два, три. Ждать, ждать, ждать. Что может быть тяжелее ожидания? Да еще такого страшного. С риском опоздать.

Вот что предстояло мне решать. Именно мне. Потому что мама была готова на все. Кажется, в первый раз она вот так, словно ребенок, вручила мне свою судьбу, покорно и безвольно ожидая моего решения.

А я метался.

Онколог настаивал на операции.

– Пока хотя бы облучите, – уговаривал он меня при очередной встрече. – Опухоль уменьшится, мне будет легче оперировать...

– Не соглашайся, – заклинал меня Юрка. – Радиация, как и химия, поражает не только канцерные клетки, гибнут и здоровые... Кончится тем, что лекарь откажется от лечения!

Я снова мчался к онкологу, я решил откровенно рассказать ему о наших надеждах, об этом странном лекаре, в арсенале у которого имеется телячий навоз.

Доктор Пэйс, смущенно глядел на меня поверх очков.

– Я ничего не знаю об этой науке. Но я – человек фактов. Где доказательства?

– Доказательства? А спасенная жизнь – разве это не доказательство?

Доктор Пейс покачал головой.

– Ты видишь тех, кто выжил. А те, кто не выжил – о них ты знаешь? Сколько их было?

Я действительно не знал.

Я не мог больше спорить – с врачом, с самим собой, со своей болью.

– Мама, – сказал я, – будем делать операцию. А потом к травнику поедem. Согласна?

– Как скажешь, так и сделаем, – тихо ответила мама.

Стояло теплое майское утро. Больничный зал ожидания с полукруглым окном во всю стену торцевой части здания был залит солнечным светом. Маленькие диванчики, журнальные столики. Тихо, уютно, очень уютно. А за окном – почти та же мирная картина, что открывалась мне из приемной онколога в тот проклятый день. Зелень, машины, люди, торопливо идущие ко входу в госпиталь... Торопятся. Все торопятся. Вот бегут доктор в голубом и медсестра в белом халатах. «Наверно, спешат отсечь кому-то руку», – злобно подумал я. Подкатила машина. Вышли люди. У одного рука забинтована. «А вот и их пациент». Мне хотелось думать о чем угодно, на чем попало срывать свою злобу на судьбу, как угодно отвлекаться от своей боли и тревоги. Там, за дверью, в операционной, уже три часа что-то делали с моей мамой...

Время ползло неестественно медленно. В зале было тихо, так тихо. Почти все сидели неподвижно. Иногда заходили врачи, подсаживались к ожидающим, о чем-то шептались. Я старался расслышать – что там у них? Кто-то, слушая, кивал, улыбался. Значит, все обошлось. А вот женщина откинулась на спинку дивана, закрыла лицо руками. Плачет... Другая вскочила, закричала, с криком бросилась прочь. Горе, горе, кругом – горе...

Но вот настал и мой черед. Ко мне приближался доктор Пейс. Мне казалось, он идет страшно медленно, будто о чем-то задумавшись, потирая кисти рук. Вот взглянул на меня – опять этот его добрый взгляд, я уже боюсь его.

– Ну, как? – не знаю, спросил я это вслух или только пошевелил губами.

– Она молодец. Уснула быстро. Грудь я удалил ей до основания...

Я ждал, что он скажет дальше. Мне нужно было знать... Я пытался даже в своих мыслях избежать ненавистного слова.

Он понимал. Он был врач. Он должен был говорить мне всю правду как есть.

– У основания груди я удалил тридцать шесть лимфоузлов. К сожалению, почти все они... Твердоваты... И бледнее обычных...

Все было понятно. Официальный приговор мне предстояло выслушать после лабораторного анализа, но сомневаться в диагнозе опытного хирурга не приходилось.

– Валера... – Я почувствовал, как он напрягся. Бедняга, нелегкая у него профессия. – Как лечиться дальше, это ваше дело. Но без химиотерапии маме твоей жить от силы два-три года. Есть три вида рака молочной железы. Этот, что у мамы, самый агрессивный, не поддающийся лечению.

Леденящие слова будто впивались мне в мозг. Хотелось спрятать куда-нибудь тяжелую голову!

– Иногда делают пересадку спинного мозга. Но это... – Доктор Пейс будто запнулся и закончил с усилием: – Это будто возвращать мертвеца к жизни. Тяжелая штука...

Через неделю готовы были лабораторные анализы. 34 лимфоузла из 36 удаленных содержали злокачественные клетки. Канцер метастазировал.

Глава 4. Далекий близкий Узбекистан

– Надо больше ходить, мам. Еще один круг. Туда и обратно.

Я вел ее под руку. Она медленно и тяжело переставляла ноги, волоча за собой капельницу на колесиках. Такая слабая, такая усталая, да еще и заторможенная после наркоза...

Я пытался говорить за двоих.

– Врач был доволен, что смог убрать все с корнем, мам. Теперь все будет хорошо...

Я врал, стараясь не смотреть ей в глаза. И все время боялся, что она знает, догадывается.

– Ты же рядом, сынок, – говорила она, опираясь на мою руку. – Это самое главное...

Доктор Пейс начал выгонять из постели уже на третий день после операции. «Больше движения – быстрее придет в себя», – приговаривал он. Я поддакивал, а сам изнемогал от жалости.

Мы тихонько прохаживались по больничному коридору. Мать и сын. Оба мы были рады тому, что мы вместе, что мы, так сказать, имеем такую возможность – быть вместе. Маму это заполняло целиком. Ее сын – рядом, он здесь. Все остальное – второстепенно. Никакой недуг не мог изменить этого. Моя радость не была такой незамутненной, я не был так счастлив. Мне хотелось иметь маму рядом всегда. Ведь никогда от нас не уходит эта детская потребность, детское ощущение: мама будет рядом вечно. Но какое уж тут вечно, если...

Мы ходили по коридору. Мать и сын. Она улыбалась. Я тоже улыбался, успокаивал, врал, глядя куда-то вперед, в пустоту коридора. В палаты мне глядеть не хотелось.

Это было онкологическое отделение. Много палат, в каждой – по три-четыре койки. Почти все они заняты больными. Какие они бледные, серые. Лежат, безразлично уставившись в подвешенные к потолку телевизоры. А мне почему-то кажется, что все чего-то ждут. Чего? Не знаю. А, может быть, и догадываюсь.

В те дни на меня все тяжелее наваливался мрак. Всего за несколько лет мы потеряли многих близких друзей. И молодых, и пожилых, и больных, и здоровых. Смерть была беспощадна.

С каждой потерей я ощущал, что круг становится все меньше, он словно бы сжимается. Все ближе к нашей семье. И вот подошел совсем близко. Неужели настал и наш черед?

Я гнал эти мысли, я старался от них избавиться. Но они не подчинялись мне. Вместе с ними приходили странные ощущения. В конце коридора появлялись какие-то размытые, белые, как привидения, очертания. Что-то они там делали, шевелились. Я ловил себя на том, что пытаюсь взглянуть в них – может быть, они хотят мне что-то объяснить? Но тут я встряхивал головой, отворачивался. Бред какой-то! Просто я очень устал...

На пятый день после операции мама была дома... Американские порядки... Впрочем, дома лучше, спокойнее. Без того ужасного, что вокруг. К тому же было принято решение: мы не ждем здесь, за тридевять земель, возвращения доктора с Хаджа, мы едем к нему в Узбекистан. И в первый же домашний вечер я оповестил маму:

– Покупаем билеты, через пару недель поедем...

Она откликнулась, как всегда, спокойно:

– Как скажешь... А доктор уже вернулся?

– Нет еще. Но вернется же, наконец. Дождемся в Ташкенте, оттуда ближе добираться...

....Впрочем, «добираться» отсюда, из Америки было не так просто. Нужны были въездные визы в Узбекистан. Где их взять, не знал никто. В Нью-Йоркском отделении Узбекского консульства телефон не отвечал никогда. Это было учреждение таинственное, возможно, не существующее. Но так как наш маршрут лежал через Москву, мы порешили: получим визы там...

С тяжелым и странным чувством мы собирались в эту дальнюю поездку. Родина – она оставалась родиной. Память о ней, тоска о ней, жила в душе своей жизнью, не всегда сознаваемой и ощущаемой. Она была постоянным фоном, обычно приглушенным, но иногда дававшим о себе знать толчками болезненными и острыми. Сейчас она как бы пробилась, открылась, вышла из подполья. Но соединялась с реальными опасениями и тревогами. Мы едем на родину с больной мамой. Мы не были там пятнадцать лет, а иммиграция из страны все так же интенсивна. То в гостях, то на улице, то по телефону мы получаем информацию, которую приятной и обнадеживающей не назовешь.

– Знали Ниязовых, да? Прямо за день до их выезда зашли к ним в масках, ограбили, избили...

– Слышали о Юсупове? Поехал туда продавать машины. Застрелили... Бедная мать, бедные дети!

Разговоры эти доходили и до мамы. Она ехала с чувством страха – не за себя, конечно.

Пасмурный день. Москва, Шереметьево. Толпы встречающих, приехавших, куда-то спешащих. Обыкновенная аэродромная толчея. А я, стараясь сосредоточиться, ищу в ней человека – незнакомого мне человека, в руках у которого должна быть бумага с моим именем... А, может быть, на плаще? А, может быть, он забыл бумагу... Как его зовут, этого человека, которого попросили встретить нас? Анатолий Колесов... Где же он? А вдруг он заболел или... Спокойно. Посмотрю еще раз...

Но тут раздался голос:

– Вы – Валера? Да? С приездом!

Смотри-ка! Он сам вычислил нас!

Анатолий оказался очень дружелюбным и приятным – такой высокий, светловолосый парень с хорошим лицом. Сразу стало легче на душе...

Первым делом мы отправились в консульство Узбекистана. Это было очень солидное с виду консульство – прекрасное здание, гранитные ступени, блистающие полы. Много красных ковров. И безлюдные коридоры. Но все же кто-то отворил нам двери, перелистал наши американские паспорта, попросил подождать... Больше часа просидели мы в прохладном пустом коридоре, окруженные тишиной и красными коврами. Наконец, мы были приглашены в кабинет, где представитель узбекского государства, высокий и хмурый человек, сурово сказал нам: «Для въезда нужны визы. В ваших паспортах их нет. Почему? Где они?» Я объяснил: «Ваше консульство не работает... Телефоны не отвечают». – «Такого не бывает», – резко, с расстановкой ответил хозяин кабинета. Я твердо повторил, что именно так и было. Допрос продолжался: «Зачем к нам едете? Лечиться? А что, в Америке нет врачей?» – «Попробовали там, теперь хотим попробовать... У вас». Я с трудом произнес это «у вас». Для меня оно прозвучало как-то нелепо. Ведь, по сути дела, я ехал домой, туда, где вырос... Какая, в сущности, идиотская вещь – границы...

«Как зовут врача?» – зачем-то спросил мой собеседник. Я ответил. «Не слышал. Не знаю такого». Господи, может, и это станет причиной отказа в визе? Что за дикая бюрократия? Я уже отвык от нее. Я стал нервничать. Хотелось ответить резкостью – но терпение, терпение!

И вдруг мой собеседник сказал: «Сейчас вам придется пойти к консулу и объяснить ему все то же самое. Так вот: он вам не поверит и не пустит вас, не даст визы...»

Я так и ахнул: «То есть как это...» Но собеседник остановил меня жестом. «Послушайте-ка меня... Вы же родились и выросли в Узбекистане? – он глядел на маму. Мама кивнула. – И родители похоронены у нас?» – Мама ответила: «В Самарканде...»

«Ага, – подумал я, – разговор принимает другой характер. Более понятный. Они хотят денег... Но как их предложить?»

Неподалеку машинистка безумолчно тарыхтела на машинке, другой сотрудник что-то сосредоточенно писал...

– Значит, так – громко и почти торжественно объявил наш собеседник. – Родители похоронены в Самарканде. Вы давно уехали и хотите навестить их могилки... Это хорошо! – он оглянулся, как бы приглашая своих сотрудников тоже одобрить наш поступок. – Это очень хорошо! Настоящие, любящие дочь и внук! – воодушевленно закончил он. И поднял телефонную трубку.

– Азиз Шарипович? Тут у меня семья из Америки... Да, бывшие ташкентцы, наши... Причина? Очень благородная: навестить могилы родителей. Посылаю их к вам, да?

Этот кабинет был побогаче первого – большой, с высоким потолком и высокими окнами, с огромным флагом республики на стене. Этот зеленый флаг приятно дополнял несколько бесцветный интерьер комнаты. Сам консул, пожилой мужчина, уже известный нам как Азиз Шарипович, восседал за небольшим письменным столом и посылал нам пристальные, изучающие взоры... Зря я надеялся, что уже наступила деловая часть встречи. Начался новый допрос.

– Значит, давно уехали... Ну, как там?

– Трудновато, – начал было я. Но Азиза Шариповича мой ответ не интересовал, у него была своя тема.

– А я никогда не понимал тех, кто бросил все и уехал. Не мог понять. Зачем? Разве плохо было?

Отвечать не хотелось. Да и к чему? Не понимал он, что ли, сам, что лжет? Верил, что не было ни притеснений, ни дискриминации? Действительно считал, что просто поднялись с насиженных мест, бросили все и уехали? Да если и был он так слеп на самом деле – неужто я сейчас раскрою ему глаза – и этот человек внезапно станет умным, добрым, отзывчивым?

А Азиз Шарипович продолжал свою назидательную беседу.

– По долгу службы я здесь принимал многих, уехавших, как вы, из Узбекистана. Многие сожалеют. Кое-кто вернулся... При моем содействии... А вы как?

Отвечать не хотелось, и, пожав плечами, я пробормотал что-то невнятное.

...И вдруг раздался мамин голос. Молчаливая моя мама заговорила – да не просто заговорила, а по-узбекски! И голос ее звучал так мелодично, красиво, почти нежно... Консул вздернул бровь, консул улыбнулся, консул подхватил... Он придвинул к себе чайник, в пиалы полилась душистая струя... Улыбаясь почти радушно, консул подал маме пиалу...

– Вы молодец, – воскликнул он, поболтав с мамой минут десять. – Сколько лет прошло, а вы все помните. И язык, и...

Наступила пауза. Азиз Шарипович допил свой чай, поставил пиалу и решительно подытожил разговор:

– Значит, на три недели. Ташкент, Самарканд, Наманган... Вы знаете, конечно, – неприужденно добавил он, – что за визы надо заплатить... Сколько? М-м-м.. Восемьсот долларов.

Я и сам уже догадывался, что этот спектакль в двух актах, с небольшими изменениями в тексте, зависящими от состава зрителей (они же – невольные участники представления) разыгрывался исключительно ради денег. Заключительная фраза – «За визы надо заплатить» – не менялась никогда. Впрочем, плата за визы – дело законное. Но эта сумма, эта доплата за старательно разыгранный спектакль, этот грабеж в официальном учреждении...

– Извините, Азиз Шарипович, мы, конечно, из Америки, но восемьсот долларов – и там очень большие деньги...

Поторговавшись, сошлись на трехстах пятидесяти...

В тот же вечер мы вылетели в Ташкент.

Глава 5. Дым отечества

– Придется подождать, – сказал белобрысый солдат, сидевший в будке.

Мы приземлились в Ташкенте час назад. Было около пяти утра. Только-только забрезжил рассвет в окнах терминала. Вместе с толпой прилетевших нас повели через длинный коридор, где наши шаги по гранитному полу отдавались гулким эхом. И вот теперь все пассажиры, томясь от усталости и неизвестности, толпились в отделе проверки паспортов.

– Неправильно оформлена бизнес-виза, – говорили одному.

– Штампов нет. Уплатите за визу в том окне, – сообщали второму.

«У того окна» уже выстроилась очередь, но никто не принимал. Очередь тихо возмущалась. Таких беспорядков с оформлением бумаг в других аэропортах мира поискать...

«Чего он там выкопал у нас? – тоскливо размышлял я. – Вроде бы все в полном порядке... А солдат все «копал», сосредоточенно высвечивая в голубом огоньке мамин паспорт и ледяным взором оглядывая то маму, то фото в ее паспорте.

– Что-нибудь не в порядке? – не выдержал я.

Долгая пауза.

– Много поддельных американских паспортов. Я уже сказал: вам придется подождать начальника.

– Козел белобрысый! – выругался я. Беззвучно, разумеется...

Начальник явился минут через сорок. Он мельком прошелся взглядом по нашим бумагам и кивнул: «добро».

Но ведь это было еще не все – и далеко не все!

«Пройдите туда...» «Уплатите вон там...» «Подождите, багаж еще не пришел...»

Мама в изнеможении присела на единственный – и тот был без спинки – стул.

– Больше ты меня сюда не затащишь!

«Да, – подумал я, – все-таки прошло пятнадцать лет, и мы от многого отвыкли. От многого...»

А там, за окнами, все это время терпеливо ждали встречавшие. И среди них – в кожаной куртке, в шляпе, в очках – наш Яков. Время от времени он помахивал нам рукой и ободряюще улыбался.

Загудел конвейер и из дальнего угла тускловатой багажной поползли чемоданы, сумки, сетки. Вот и наши, наконец. Последнее испытание – «шмон» – и мы на воле!

Невысокий, но ладно скроенный, сияющий добродушной улыбкой Яков Гаврилович обнял маму, меня.

– Ну, как вы? Как дорога? Все в порядке?

Мы уселись в его «Жигули», зашуршали колеса по асфальту, мама и Яков оживленно разговаривали, а я с жадностью вдыхал рвущийся в машину воздух. Теплый, азиатский, обдающий меня, как волнами, воспоминаниями. Короткий Проезд... Наш двор... Урючина... Старый город... Педагогический мой институт... Они теперь здесь. Рядом. Широкие улицы, арыки, деревья... Все это притаилось в моей памяти, спряталось, замерло, будто ожидая своего часа, своей минуты, чтобы воскреснуть, ожить.

Поворот за поворотом, улица за улицей, площадь за площадью открывался перед нами Ташкент. Да, он все такой же. Дома – чаще бетонные, иногда кирпичные. Невысокие, серые, хотя в моем воображении – самые красивые. Широкие, осененные деревьями улицы с арыками по сторонам. Скверики и парки, такие ухоженные, чистые. Город этим всегда отличался! Уборщицы, обычно – бабульки в косынках, казалось, круглые сутки шваркали повсюду своими метлами из веток... Проехал трамвай, изрыгая снопы искр. Как знаком скрипучий звук его колес! Мы остановились у светофора, перед нами закачались провода – и я, волнуясь почему-

то, как перед долгожданной встречей, подумал: «Едет!» И правда – почти сразу из-за поворота медленно выдвинулся неуклюжий троллейбус. «Пах-пах!» – выстреливали искры из-под крестовины, где соединялись провода.

Пока стояли мы в ожидании зеленого света, на перекрестке скопилось много машин. Белые пары бензина вырывались из выхлопных труб.

– Все так же воняет, – вздохнула мама.

– Бензин такой у нас, – виновато отозвался Яков, – семьдесят шестой.

«Ничего он не воняет, – думал я, – так себе попахивает. Слегка. Даже приятно...»

...У Якова нас уже ждали. Жена его, Татьяна Николаевна и дочь Ольга встретили нас на пороге – и буквально с порога мы почувствовали себя здесь, как дома.

Если собрать вместе все хорошее, всю доброту и чуткость, какие могут быть в человеке, то, наверно, и получатся именно такие люди, как Яков и его жена. Как-то сразу с первой минуты встречи ясно было, что они – такие, без всякого двуличия и притворства.

Ни я, ни мать не знали их достаточно близко. И, собираясь в эту поездку, мы чувствовали себя довольно неловко. Кто мы для них, чтобы вваливать на их плечи свои невзгоды, тяжесть нашего положения? Отнимать время, стеснять. Тем более здесь, в стране, где само бытие – такая нелегкая вещь. Но есть люди, для которых помогать другим – так же естественно, как и жить, дышать. У них это, вероятно, получается само собой, без специальных решений и обдумывания... Вот такой была эта семья, семья Ильевых.

Невысокая, с короткой стрижкой, Таня быстро ходила по комнатам и отдавала распоряжения:

– Валера, ты располагайся в зале, а ты, Эся, будешь отдыхать на веранде... У нас там уютно... Говорить обо всем будем потом – вы с дороги, вы устали... Оля, как там постель – готова?

День был в разгаре. С улицы доносились звонкие детские голоса. Как не хотелось дарить это время сну! Но мы действительно были измотаны двухдневной, не имевшей конца поездкой. И другой часовой пояс, к тому же... Спорить не приходилось.

– Скоро должен звонить Юра.... Узнать, как мы добрались, – сообщил я. И тут же, как провалился, уснул мертвецким сном.

Глава 6. Чужой переулочек

– Валера? Ты? – Удивленно спросила Валентина Павловна. Голос ее по телефону звучал точно так же, как много лет назад, когда стояла она у классной доски, записывая там очередное правило русской грамматики, или сидела за своим учительским столиком, читая нам какую-нибудь книгу... Все тот же четкий, ясный, неторопливый голос. И по-прежнему – родной.

– В Ташкенте? С мамой? – как эхо, повторяла она. – Ну, послушай, это же замечательно!

Не знаю, представляла ли она себе меня в этот момент, но я-то видел ее совершенно ясно, так, словно она стояла передо мной. Мягкое славянское лицо, очки, короткая стрижка, взгляд добрый – и в то же время пронизывающий тебя насквозь: «Ну, Юабов? Что ты там знаешь?» Я вообще-то любил читать и редко краснел под этим взглядом. Мне вспомнилось, как во время летних каникул я приходил к ней домой за очередной книгой из тех, что нам предлагалось прочитать за лето (на ее книжных полках, конечно, были и эти, и многие другие) – и Валентина Павловна укоризненно говорила своим детям, Кольке и Сашке:

– Ну, не совестно вам? Валера уже опять все прочитал, а вы? Ох, лоботрясы!

А я жался, краснел и ругал себя за то, что не постарался прийти тайком, когда ребят нет дома: ведь теперь я обязательно от них услышу: «Вечно нам из-за тебя влетает!»

Валентина Петровна ахнула, узнав, что мы в Ташкенте пробудем не больше трех недель.

– Но мы увидимся? Ты зайдешь?

– Конечно!

Мы сразу же договорились о встрече. Время приходилось распределять четко. Ведь хотелось повидать родственников и друзей, побывать в тех уголках Ташкента, о которых я с такой болью вспоминал, съездить с мамой в Самарканд на могилы ее родителей. Три недели были не то чтобы заполнены – забиты.

Воскресный день. Мы с Яковом Гавриловичем едем по Ташкенту. Цель поездки – Короткий Проезд. Мой родной переулочек. Дом моего детства. Двор, где я вырос. Где поднимает ветви к небу моя урючина...

Ильевы жили в центре, езды нам было всего минут десять, но с каждой минутой я чувствовал все большее напряжение, беспокойство, уж и не знаю, что еще. Очевидно, все вместе это и называется волнением.

Промелькнул небольшой парк. Чем-то он удивил меня, что-то вокруг него было и знакомым, и странным...

– Яков Гаврилович, а где же Туркменский? – воскликнул я, поняв, наконец, чего здесь не хватает. – Где же базар? Ведь я хорошо помню – он был здесь!

– Был, да не стало, – вздохнул Яков. – Отремонтировали его, открыли заново – а потом пришлось закрыть... Подорожал очень товар после ремонта базара – и народ не пошел сюда... Недаром говорят люди, что базар нельзя перестраивать!

Парк давно остался позади, а я все еще вздыхал и помахивал головой, отгоняя от себя воспоминания, зримые, как галлюцинации: прохладные ряды, яркие груды овощей и фруктов, острые запахи, веселый гул, звонкие выкрики глашатаев-продавцов... Странное и горестное чувство: будто потерял друга.

Между тем мы уже почти доехали. Вот и улица Германа Лопатина, все такая же широкая и тихая, все тот же магазинчик на углу... Поворот налево – и мы на Коротком Проезде... И он такой же, слава богу... Но нет, не совсем. Вот тут, на углу, стояли мусорные ведра, над ними черными жужжащими тучами кружились мухи... Я слышу, слышу их жужжанье! Неужели оно только чудится мне? Да, чудится... Нет здесь никаких мух, как нет и ведер. Ну и ладно, это, наверно, к лучшему. Как и то, что переулочек наш заасфальтировали. Жаль только зеленой травки, которая пробивалась возле стен. И одуванчики – сначала желтенькие, потом – пуши-

стые, седые. И мураши всякие там сновали. Нет их теперь, пусто. Даже стены построек, образующие переулок, стали другими. Были глиняными, из них торчали соломинки. А стали – гладкими, отполированными... Жаль, хорошо бы подергать соломинки...

Сделать все эти усовершенствования мог только один человек: новый хозяин нашего дома. Ведь в переулок выходили единственные ворота – наши... То есть его... Никак мне к этому не привыкнуть.

Впрочем, и ворота уже оказались не те! Наши были темно-красные, деревянные, а на них – белая, мелом начертанная цифра шесть. Вместо этого я увидел нечто громоздкое, металлическое, неопределенного цвета... Не стало и лампочки, укрепленной над воротами на тонкой жерди. Хотя и тусклая – она была маяком для всех нас, идущих с улицы домой... А теперь над воротами громоздилась жилая постройка.

«Это еще что? – злобно подумал я. – Наделал тут черт-те чего!» Я все не мог до конца осознать, что двор давно уже не мой, не мог примирить свою память с действительностью – и все продолжал, продолжал искать хоть что-нибудь милое, родное. Вот раздалось за воротами кудахтанье кур – и я до смешного обрадовался: кудахтали они совсем как в давние времена...

Я почему-то трусил: а вдруг он нас непустит, этот новый хозяин? Я совсем его не знал, никогда в глаза не видал, но он мне уже не нравился.

Пока Яков Гаврилович звонил (вот опять же новость! К чему звонок, когда ворота – чтобы в них стучать?), я пытался уловить знакомый звук за стеной справа. Когда-то там, прислонившись к стенке, соседская корова вкусно и громко пережевывала солому. Я окликал ее – она знала мой голос и отвечала мне мычанием... Но теперь стена молчала.

Дверца в воротах приоткрылась. В ней появился некто – невысокий мужчина средних лет с лицом таким же невыразительным и бесцветным, как и сами железные ворота. Он слушал нас с недоумением и неприязнью. Он не понимал, зачем мы пришли. Я вырос здесь? Ну и что? Смотреть здесь мне не на что. Старого ничего не осталось. Ни-че-го. Он все заменил. Все тут новое. Его. И мне тут делать нечего... Тут на его лице появилось некоторое выражение – такое, будто на железные ворота повесили огромный железный замок.

Я понял, что нас непустят.

Пока Яков, то заискивая, то горячась, продолжал торговаться с этим отвратительным типом, я все норовил заглянуть во двор. Но хозяин так прочно утвердился в проеме полуоткрытой дверцы! Все пространство загораживали его плечи, его живот, выпирающий из-под майки, его небритая физиономия. Я вертелся, как юла, я вытягивал шею – но все, что попадалось мне на глаза, было цементным, серым, мрачным.

«Урючина, где моя урючина? Хрыч небритый, что ты сделал с ней?» Нет, не разглядел я урючины за этим камнем преткновения.

Пугающая тишина стояла во дворе. Молчали куры. Ни разу не услышал я ни лая, ни звона собачьей цепи – там не могло уже быть Джека, конечно, но хоть бы какую-нибудь услышать собаку! Что за ташкентский двор без собаки? Но в этом дворе не было ничего живого... Не назовешь ведь живым этого бездушного хранителя бездушного, чужого места!

...Несколько дней одолевали меня гнев и тоска, а потом я не выдержал и, никому ничего не сказав, сам отправился на Короткий Проезд... Смирюсь, думаю я, буду вежливым и обаятельным, объясню, откуда я приехал, из какого далека, как мечтал увидеть двор своего детства... А, может, мне повезет и этого типа дома не будет? Сегодня рабочий день... А женщины – они ведь мягче...

В этот раз я не позвонил – я доставил себе удовольствие громко постучать в ворота. Гроыхающий звук эхом прокатился между стен.

Но мне опять не повезло. Хозяин был дома. Он снова собственноручно отпер дверцу. На этот раз он был не в затрапезной майке, а в костюме и при галстукe, но выражения лица он

сменить не захотел – да, вероятно, не смог бы и при желании. Мои красноречивые объяснения он оборвал решительно и быстро.

– Ну и что же, что из Америки? Я просил не приходить!

И дверца в воротах захлопнулась передо мной – очевидно, навсегда.

Глава 7. «...Город, знакомый до слёз»

«Добро пожаловать в Чирчик». Посеревшая каменная доска с надписью все так же стояла на бугорке у мостика. Но район Троицкий, первый при въезде в город, показалось мне, стал иным. Когда-то он был таким оживленным, люди сновали повсюду, а сейчас он был каким-то тихим, будто замершим в преддверии долгой ночи, каким-то обезлюдевшим.

Мы обогнали автобус. Он был потрепанный, пыльный, накренившийся так, будто вот-вот опрокинется – и немудрено: набит он был людьми, как бочка селедками... А полз этот автобус медленно, словно объезжая гусеница – и я успел услышать, как он при этом кряхтел: «П-жж-ех!» – мол, я стараюсь, работаю, только вот состарился...

Вот замаячила впереди высокая труба химкомбината – все такая же... Нет, что-то с ней не то... Позвольте, а где же дым? Желтый ядовитый дым, толстым жгутом упиравшийся в небо? Но не было дыма... Значит, рухнул бессмертный, бессонный комбинат и там, за длинным забором, по-прежнему обмотанным поверху колючей проволокой, все мертво? Ну, комбината, по правде сказать, мне нисколько не жаль!

Мелькают улицы – знакомые, но какие-то уже чужие, что ли... Театральная, Пушкинская, улица Ленина... А вот и он сам на пьедестале. Все с тем же озабоченным видом, устремив свой взор куда-то вверх деревьев, подавшись вперед и вытянутой рукой указывая на горизонт, он упрямо призывает своих единомышленников маршировать к светлому будущему... Неужели я здесь жил? Ну да, конечно. Ведь я знаю эти улицы до мельчайших деталей, до закоулков. Почему же мне вдруг начинает казаться, что я просто бывал здесь туристом?

Рыча, напряженно работал мотор. Мы поднимались в гору. Туда, где под мостом текла Чирчик-река. Она так сверкала под стоящим в зените ослепительным солнцем, что боль пронзала глаза и приходилось жмуриться. А в темноте моих прикрытых век возникало что-то удивительно приятное, и слышал я даже знакомые голоса...

– Не бойся, плыви! – перекрикивая шум бегущей воды, кричали ребята. А я стоял у берега по пояс в воде – и все не решался на этот бросок. От начала моста мне нужно было доплыть до средней его опоры – таковы были условия заплыва. Ледяная горная вода обжигала кожу, я шатался под ее напором, до того стремительным, что мне предстояло плыть в обратную сторону, почти против течения, – иначе меня унесло бы гораздо ниже моста...

Бросок... И больше ничего не помню. Как-то я, очевидно, все же плыл, отчаянно сопротивляясь могучей и равнодушной силе воды. Возможно, меня, проплывавшего мимо, подхватил кто-то из пацанов... Помню только, что я продрог до костей и был здорово напуган. Я наконец-то понял, почему здесь запрещено было купаться. Ведь утонуло возле моста немало таких смельчаков, как я и мои друзья. Но страх проходил, отпускал – и все сильнее становилась радость: ведь я все же не трусил, поплыл, я остался «своим»!

А вот, наконец, и «Юбилейный». Все так же просторно. И еще зеленее, чем прежде – деревьев стало больше. Но кинотеатр «Октябрь» – с ним-то что? Почему завешены витрины? И стекло, треснутое на входной двери. И пуста афишная доска... Закрыли, значит, кинотеатр. Грустно.

И наконец... Наш дом. Дом пятнадцать. Выбежав из машины, я первым делом поглядел на третью от земли панель. Нет, мне не показалось! На ней четко выделялись следы – круглые следы глины. Именно там, куда мы с пацанами в последний раз швыряли глиняные хлопущки.

Тишина стояла вокруг. Я вслушивался, вслушивался... Чего-то мне не хватало, привычных каких-то звуков... Ах, вот в чем дело: не слышно было журчания воды, той тихой мелодии, которая от весны до осени звучала постоянно, изо дня в день. Но в этот летний день арыки молчали.

Игровое поле... Куда-то делись футбольные ворота, накренилась беседка и прохудилась ее крыша.

По всей длине улицы на высоте трех метров подвешены отопительные трубы. Они выглядят ужасно: с них кусками свисает обветшавшая обмотка. А наш огород! Он заброшен, зарос сорняками. Зеленая изгородь разрослась, ветви кустов торчат во все стороны. Бедный талл стоит с обломанными сучьями, вмятины на стволе похожи на раны. Даже скамейка у подъезда превратилась в инвалида – осталась без спинки.

– Валера, ты? Добрались, наконец?

Я поднял глаза – с балкона второго этажа наклонилась и смотрела на меня седая женщина в очках. Она смеялась, она радовалась мне. А я – я оторопело замер с открытым ртом. Я узнал этот голос, и в облике ее что-то было мне знакомо – но только что-то... Боже мой, я не ожидал, что время так изменило ее, мою учительницу, Валентину Павловну! Ведь в памяти учеников учителя не стареют...

Я крикнул что-то бодрое, помахал рукой – и мы вошли в подъезд.

Каждая ступенька лестницы была страничкой памяти и вместо звука наших шагов я слышал детские голоса, звон бьющегося стекла, жужжание Дориной кофемолки и неумолчную ее болтовню.

Обнимались и целовались мы долго. В квартире у Эдема, старого моего друга, собралась целая куча родственников – его родители Эмма и Рифат, его брат Рустем, их жены, дети. Вскоре пришла Валентина Павловна с дочкой. Уселись на веранде за обеденным столом. Все были взволнованы, оживлены, начались тосты, пили за нас, за встречу. Словом, все было как положено. И все же я испытывал странное чувство – и с каждой минутой оно все росло. Чего-то не хватало в этой встрече, что-то изменилось. Что?

– У нас тут, Эся, нет ничего впереди – втолковывала моей матери Эмма, мать Эдема. – Мы тут доживаем, вот и все. Жизнь совсем поганая стала...

Она сидела, скрестив руки на груди. Ее черные как смоль волосы стали совсем седыми, а поблекшее лицо не смогли освежить ни крем, ни пудра. Эмма была женщина энергичная. Когда-то она работала в беляшной на базаре, торговля у нее шла бойко, беляши были отличные – жирные, сочные. Но когда моя мама вспомнила об этом, Эмма только рукой махнула.

– Что ты, Эся! Нет давно беляшей, разогнали всех!

«Почему? – удивлялся я про себя. – Кому помешали сочные беляши? Вот так перестройка!»

Жаловался и Эдем. Он, как и его отец, работал на стройке. И вот, оказывается, закончил он большую работу, а денег не заплатили.

– По-другому теперь у нас не бывает, – объяснил он мне. – Теперь все в кредит. Ждем...

Радостных новостей не было ни у кого. Планы на будущее – самые неопределенные. Кто-то мечтал вернуться на родину, в Крым, кто-то – переехать поближе к детям, в Россию... И все как один, отмахиваясь от наших вопросов (о чем, мол, тут рассказывать? Доживаем и только), жадно расспрашивали, как нам живется в Америке, удивляясь при этом самым обыкновенным для нас вещам. И никто, ну никто из них не мог понять – чего это мы вдруг потащились за тридевять земель к какому-то местному лекарю. Америка – ведь это...

Мне было тоскливо. Мне было почему-то стыдно – как будто я, а не здешнее правительство был виноват в том, что моим друзьям жилось здесь так плохо, что у них и надежд не оставалось. И еще я понял, что изменилось не только это.

Когда-то, много лет назад, я был сыном простой швеи и учителя. Мы жили бедно, я часто завидовал мальчишкам, которые могли себе позволить много больше, чем я – то книжную подписку, то покупку велосипеда или хотя бы хоккейной клюшки. Я завидовал и мечтал. Теперь мы, так сказать, поменялись ролями. Но разрыв между мечтами и действительностью стал неизмерим...

Я подошел к окну веранды. Отсюда, с третьего этажа, мне открывалась вся панорама, все, что было сотни и сотни раз исхожено в детстве. Огороды... Площадка с беседкой... Арык, где лепили мы глиняные снаряды... Край дома с мусорными баками... Я вглядывался, вглядывался, пытаясь населить все эти места теми, кого видел здесь прежде. Я старался увидеть мальчишек, гонявших футбольный мяч. Или взрослых, облепивших скамейку у подъезда и с жаром обсуждающих события дня... Или шумную стройку неподалеку... Но тщетно! Поблекли краски, не возникали знакомые лица, не слышались голоса. Может быть, потому не появлялось это в моем воображении, что и наяву все изменились и все изменилось, стало иным, поблекшим? Странное я испытывал чувство, стоя у окна веранды. Что-то навсегда ушло, исчезло, перестало манить...

Тогда я еще не понимал, что вместе с этим странным чувством уходит навсегда моя ностальгия, моя тяга в Чирчик, в поселок Юбилейный.

Глава 8. «А вот здесь прежде жили...»

Время летело. Уже почти две недели прожили мы в Ташкенте, а доктор все еще не появлялся в Намангане. И никто не знал, когда же он, наконец, вернется. Росло напряжение, росла тревога. Порой я просто паниковал: а вдруг мы так и не дождемся его?

Друзья наши делали все возможное, чтобы облегчить томительное ожидание. То дома собирали гостей, то для нас устраивали прогулки.

Однажды нас привезли на дачу. Я как вышел из машины, так и ахнул: «Боже ты мой, как давно я об этом мечтал!» Прямо у ворот дачного участка стояли два вишневых дерева. Невысокие, молодые, сплошь усыпанные темно-красными, блестящими вишнями! Они не просто блестели, они поблескивали отражениями света, как звездочки на ночном небе. Они торчали со всех сторон веток на своих крепеньких зеленых стебельках, как на иголках ежика... Я кинулся к этим красавицам-вишням и, как маленький, набил себе полный рот сочных, ароматных ягод... «В Америке нет таких вишен, представляете себе? Нет! Там вишни совершенно безвкусные», – объяснял я смеющемуся Якову.

Запомнилась и другая поездка: Яков Гаврилович решил показать мне свой завод. Здесь изготавливали железобетонные плиты для строительства жилых домов. Мы долго бродили по полупустым цехам, где стояли какие-то большие станки, подъемники, даже лифты. Многое здесь бездействовало. Вяло, в полмощи работали цеха. На мое «почему», Яков ответил:

– Мы же были одним из звеньев в цепи, понимаешь? Нам поставляли сырье, мы изготавливали плиты и доставляли их строителям. А теперь цепь распалась. Страна распалась – и цепь распалась... Сырья мало, потребителей – тоже. Вот и стоим...

Но, очевидно, эти печальные обстоятельства не повлияли на стиль жизни местного начальства. Мы приехали на завод в пятницу – а пятница у начальства считалась «разгрузочным» днем... Для этой самой «разгрузки» руководство завода выстроило себе особый комплекс. Здесь была и баня с парилкой и бассейном, и гимнастический зал, и бильярдная и многое другое, столь же приятное. Но, понятное дело, главной «разгрузкой» был сабантуй. В комнате для ужина за большим столом помещалось человек тридцать. Попарившись, напивавшись, начинали пировать...

Так было и на этот раз. Мы оказались в числе приглашенных: я был «подан к столу», как американский гость. Заморский фрукт, то есть... От шума, смеха, брэнчания гитары, бесконечных тостов, от густого сигаретного дыма у меня даже голова пошла кругом...

– Ну что, вернешься к нам? «Приедешь обратно?» – спросил меня с другого конца стола один из начальников.

Шум затих. Все ждали моего ответа.

– Погостить приеду, – в замешательстве ответил я.

Стол дружно загрохотал.

– Молодец! За гостя! – провозгласил начальник – и лихо опрокинул стопку. Десятую, вероятно...

По утрам я в одиночестве бродил по городу. По базарам, по знакомым когда-то улицам. Заходил и в свой родной Педагогический... Выглядел он ужасно. Два пожара произошли здесь за это время. Второй был особенно сильным, институт остался изуродованным, полуразрушенным. Я не мог смотреть без боли на обгоревшие колонны перед главным входом... Впрочем, здание реставрировалось и в уцелевших флигелях шли занятия. В музыкальном отделении принимали экзамены. Сновали взад-вперед студенты, переговаривались... Я невольно вглядывался, будто мог увидеть знакомые лица, прислушивался, уловив русскую речь... Нет – хотя все было знакомо, но знакомых тут не было. Да и русский язык уже не считался здесь родным:

все таблички на дверях деканата и разных отделов, – блестящие, черные, такие же, как и в мои времена – теперь были украшены узбекскими надписями. Чтобы русским духом не пахло...

Как-то, возвращаясь домой с прогулки, я не стал дожидаться троллейбуса, а остановил частника на Москвиче. Это был пожилой мужик с густыми седеющими волосами и крепкими руками, которыми он удивительно надежно охватывал руль. И машину свою он содержал в большой чистоте. Словом, мужик – его звали Володя – был приятный и немногословный. Вез он меня, для сокращения пути, по каким-то узеньким переулкам со старыми одноэтажными зданиями, глиняными и кирпичными. Я, конечно, бывал здесь когда-то, но теперь уже ничего не узнавал. А Володя, заехав в эту чащобу, почему-то загрустил и даже начал покряхтывать и вздыхать. Мне как-то неловко было спрашивать, что с ним. Я и хотел, и не решался. И тут вдруг он, не глядя на меня, сказал:

– Видишь эти дома? Тут немцы жили. Много немцев...

Я промолчал. Я пока не очень понимал, для чего он мне это сообщает...

Машина свернула за угол. Володя опять вздохнул и даже замедлил ход.

– А вот здесь татары жили... Помнишь?

Я снова промолчал. Помню – не помню – ему какое дело? Рассказывать, откуда я приехал, не хотелось.

– А вот это... – Мы ехали теперь совсем медленно, и Володя с таким горестным вниманием разглядывал переулок, будто приехал сюда специально, чтобы поклониться жилищам умерших родственников. – Это еврейский был переулок... Здесь, и здесь, и здесь... Всюду евреи жили. Еще недавно совсем, лет десять назад.

Он опять не глядел на меня и, казалось, разговаривал сам с собой. Но тут уж я не выдержал.

– Так это хорошо или плохо?

Володя повернул голову и посмотрел на меня с презрительным удивлением.

– То есть как это – хорошо или плохо? Что же тут может быть хорошего? Уехали все учителя, инженеры... Сапожники уехали, портные, парикмахеры, мясники... Все настоящие мастера своего дела... Каких людей повыгоняли!

Тут он немного разговорился, и я узнал, что Володя – сам инженер, что многие его друзья, работники предприятия, уехали из Узбекистана. И что в республике сейчас... Он снова крикнул и замолчал.

Теперь мы оба думали о прошлом, о потерянном навсегда. Но, вероятно, мне, уехавшему отсюда пятнадцать лет назад, было не так больно, как Володе. Я ведь приобрел что-то взамен. А он – он только терял. Все эти годы терял. И теперь, кажется, потерял уже даже надежду.

Глава 9. Доктор из Намангана

Светало. «Жигули» наши бодро тарыхтели по бетонке. Доктор наконец-то вернулся, Яков договорился о встрече, и мы немедленно отправились в Наманган... Я хотел сказать – мы летели, как на крыльях, но это было бы преувеличением: мы ехали уже больше часа, но только-только покидали пределы Ташкента. Промелькнули окраины, теперь по обе стороны дороги простирались поля, чаще всего – хлопковые. Но мелькали и луга – то там, то здесь паслись коровы. Были и огороды, и сады. Почва здесь хоть и глинистая, но, как ее называют, жирная. Очень плодородная. Этим республика славилась. И из всех, кто заселил эту землю, по-настоящему ее плодородием пользовались лишь узбеки – народ очень трудолюбивый. Из поколения в поколение воспитывалась в них любовь к земле. В семьях трудились все, от мала до велика. От восхода до заката. Согнувшись, с кетменем или лопатой в руках, взрослые и дети работали то в поле, то на своем огороде – вскапывали грядки, рыхлили, засевали семена, высаживали ростки... Сколько раз я их видел в детстве, этих тружеников! Казалось, они не знают, не чувствуют усталости. Уметь взрастить – это было главной радостью жизни.

Начинался подъем – мы уже были в горах. В Наманган мы ехали напрямик – через город Ангрен, а затем через Камчикский и Пунгамский перевалы в отрогах Тянь-Шаня. Потом, спустившись – по Ферганской долине... Почти пять часов езды, а, может, и дольше, если что случится. Дорога через перевалы и прежде была нелегкой, а уж теперь, в смутные времена, в эпоху развала, всеобщего недоверия, вражды между республиками – и к тому же растущего терроризма... Кто знает, что нас здесь ждет? Объяснения с пограничниками, проверки документов – это куда ни шло. А если бандиты? Говорят, здесь стало почти повседневным явлением вымогательство бензина. Мы, как могли, приготовились к неожиданным встречам. За нами следовала вторая машина – мы предпочли выехать компанией. Рядом с водителем сидел Яков, наш покровитель, и руководил маршрутом... Впрочем, пока все было благополучно. Даже дорога, вопреки моим ожиданиям, была в приличном состоянии – не так уж много ухабов и рытвин...

Я не отрываясь глядел в окно. Я – городской мальчишка, росший в Ташкенте и Чирчике – впервые был на Тянь-Шане – чтобы попасть в родные горы, мне пришлось пересечь океан... Что за красота! Небесные горы – вот что означает в переводе с китайского это звонкое название – Тянь-Шань... Горные отроги уходили вдаль на много километров, конца им видно не было. Узкая дорога извивалась серпантинном, как огромный змей. Она то пряталась за крутым поворотом, то резко уходила вниз, то вдруг расширялась, чтобы опять сузиться за следующим холмом – и казалось, что тяжкие скалы вот-вот сдавят борта машины... А то дорога словно на дыбы становилась – и мотор наш, напрягаясь, неистовствовал и рычал... Трудная и прекрасная дорога. Ее пробили в горах еще в двадцатые годы, сделав этот край доступным для людей. И только во время больших снежных заносов дорогу перекрывают в районе перевала...

Я глядел в окно, не отрываясь, с какой-то жадностью, с какой-то сладкой болью. Рядом со мной в машине сидела мама, мы ехали к доктору в Наманган и беда наша ехала вместе с нами. И все же эта дорога, эти горы – они что-то делали с моей душой, секунда за секундой, час за часом. Можно вроде бы сказать – отвлекали от тяжелых мыслей. Но не те это слова. Не отвлекали – боль была во мне – а чем-то еще наполняли... А дорога бежала, крутилась, падала, взлетала, то упираясь в скалу, то устремляясь к бурлящей среди камней реке, а то уходя от нее и открывая где-нибудь далеко внизу ее излучину или ее долину, такую спокойную и мирную, где-то в бесконечной дали, за дымкой холмов...

Одна из таких долинок – зеленая, приветливая – оказалась на нашем пути. Мы устроили здесь короткий привал: маме пора было отдохнуть, да и бензин надо было залить из запасных канистр. Уж тут, разумеется, не удалось бы найти привычных нам на дорогах Америки бензо-

колонок. А если кое-где и попадались, то горячее там продавалось чуть ли не на вес золота. Зато мы увидели здесь кое-что другое, с детства памятное и милое...

У обочины дороги сплошной живою оградой росли высоченные, стройные, как корабельные мачты, деревья. В их тени, тоже в ряд, выстроилось с полдюжины лоточков. Это был маленький дорожный базарчик, приятный сюрприз для путешественников, достигших перевала. Здесь можно было утолить жажду прохладным кумысом, купить душистый мед, свежесобжаренные семечки. Полакомиться куртмом – это такие белые соленые шарики, приготовленные из кумыса. Съесть свежую, теплую лепешку с домашним сыром. Торговали этой снедью местные узбечки – все в национальных платьях, шелковых, в ярких разводах, в меховых жилетах, в платках, в тонких кожаных сапожках, все – с обветренными, коричневатыми щеками, выдававшими в них жительниц гор. Но оставались они при этом такими же, как женщины в любой точке земного шара: горянки болтали друг с другом до того увлеченно, что им было совершенно не до торговли. Как, впрочем, и не до детей, которые, сбившись в кучку, беззаботно играли рядом, ковыряясь в земле...

Мы поели, отдохнули в тени. Небо казалось огромной голубой пиалой, опрокинутой над нами. Воздух был кристально чист, все, что мы видели – и небо, и деревья, и река, и склоны гор – все было каким-то особенно четким, вырисовывалось до мельчайших деталей. На ближней горе, почти у самой вершины, паслись козы. «Горные. Только они забредают так высоко», – объяснил мне водитель. Гора была настолько крутой, что склон ее казался почти отвесным... А в нашей мирной долинке где-то неподалеку от реки ржали кони. Здесь река расширилась, была мелкой, тихой, прозрачной. Галька на дне блестела под лучами солнца. Мама, шурясь, глядела на воду... Но нам пора было отправляться в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.